

Символы средневекового гностицизма в аналитической психологии К.Г. Юнга

Русина А.Б. (Россия, Санкт-Петербург, СПбГИПСР)

Аналитическая психология, основанная выдающимся швейцарским психиатром Карлом Густавом Юнгом, фокусируется на динамических связях между Сознанием и двумя уровнями Бессознательного (индивидуального и коллективного). Интересуясь символами, в которых находили отражение эти психодинамические процессы, К.Г. Юнг особое внимание уделял образно-символической системе гностицизма [Фрейджер Р. 2007].

К.Г. Юнг называл себя "современным гностиком" и указывал на прямую преемственность идей гностицизма, алхимии и аналитической психологии. Он полагал, что за образами алхимических процессов скрывается сложная система личностной трансформации. При этом следует понимать, что гностические учения интересовали Юнга прежде всего как особые мифо-символические системы. "Миф и символ - два столпа, на которых строится юнгианский анализ, и в теоретическом и в практическом аспектах. К.Г. Юнг видел в гностицизме первую попытку интеграции универсальных символов и мифологических мотивов в единую систему, соприкоснувшись с которой в мистериальной практике, человек вступает в непосредственный диалог с архетипами Коллективного Бессознательного. В результате он обретает возможность исцелиться от психической боли, получить импульс к развитию, восстановить психическую целостность." [Кучукова Н.Ю., 2009].

Гностицизм (от греч. гнозис - познание, знание) представляет собой эклектическое религиозно-философское течение, зародившееся под влиянием эллинизма, раннего христианства и ближневосточных религий. Развитие гностического учения разделяют на три периода. Текстов,

относящихся к начальному периоду (1 в. н.э.) не сохранилось, однако, судя по косвенным свидетельствам ряда позднеантичных авторов, гностицизм представлял собой сочетание разнородных религиозных воззрений, античных и библейских мифологических мотивов. Характерным примером может служить мотив возрождения юного бога или героя, характерный как для греческой, так и для малоазийской культуры, ставший системообразующим мифом христианства.

Второй этап приходится на 2 в. н.э. и характеризуется созданием классических гностических систем Валентина, Васелида и Феодота, которые вслед за апостолом Павлом отстаивали троичную модель Человека (дух, душа, плоть). По Василиду, дух и душа - начала, исходящие от Истинного Бога, а плоть сотворена темными, далекими от Бога и противостоящими ему силами. Материальный мир противоположен божественному. Последний, в свою очередь, имеет множество ипостасей или промежуточных миров. Наш мир - последний, самый удаленный от Божества.

Согласно Феодоту суть гнозиса в том что познавая свое "Я", мы познаем мир и ищем Бога. В гнозисе (познании) человек преодолевает присущую ему двойственность, т.е. противоречие между плотским и духовным началом, и становится целостным существом. Он является средоточием мирового процесса, через него (т.е. через его направленный поиск своей целостности) само бытие преодолевает расщепленность и восстанавливает распавшуюся гармонию. Всеобъемлющее знание себя, которого достигают единицы, дарует спасение (возвращение в истинный мир, к Единому Божеству). [Кемеров В.Е., 1998] .

Третий этап гностицизма, связанный с развитием алхимии, приходится на средние века. Алхимия (позднелатинское *alchemia*, *alchimia*, *alchymia*) восходит к греческому *chemeia* от арабского *cheo* (лью, отливаю), что указывает на связь алхимии с искусством плавки и литья металлов. Другое толкование происхождения слова «Алхимия» — от египетского иероглифа «хми», означавшего черную (плодородную) землю в противовес бесплодным пескам. Этим иероглифом обозначался Египет, место, где, возможно, возникла алхимия, которую часто называли «египетским искусством» [Хегай Л. 2008]. Большинство полагает, что

алхимики занимались изготовлением золота, а между тем подлинный смысл алхимического процесса заключался для них в символическом воссоздании сути, стержня, кристалла собственной души, как частицы Божества. Алхимические опыты были лишь внешним выражением глубинного духовного процесса, для которого мастера подбирали множество символических определений. Как и гностики, они полагали, что именно в земной жизни человек должен успеть найти свою бессмертную душу, символом которой и выступают золото и «философский камень», для того, чтобы воссоединиться с Творцом. А в попытках сотворить благородный металл, они символически, на уровне религиозной мистерии, уподоблялись Богу, творящему человеческие души.

Анализируя в своих текстах общие мотивы сновидений, раскрывая тайны бессознательной жизни и определяя механизмы исцеления от душевных недугов, К.Г. Юнг часто прибегает к гностическим метафорам и объясняет взаимосвязь между идеями гностицизма и алхимии с психотерапией. [Юнг К. Г., 2008].

Как аналитик, Юнг увидел в практической стороне алхимического метода богатый источник образной системы для описания глубоко символических преобразований, которые наступают в психоанализе [Зеленский В. В., 2004]. Например, это касается описания различных стадий физических изменений, которые должны происходить в процессе алхимических операций. Стадия Нигредо (Nigredo) предполагает потемнение исходного материала и признак того, что что-то значительное должно произойти. Ферментация (Fermentatio) предполагает брожение, смешивание элементов, в результате чего должно появиться новое вещество, отличное по качеству от исходных компонентов. Мортификация (Mortificatio) — это этап, на котором исходные элементы перестают существовать в своем изначальном виде. При Путрефикация (Putrefactio) происходит разложение мертвых или умирающих исходных элементов и выход пара, который является признаком трансформации. Импрегнация (Impregnatio) отмечает момент, когда новое вещество (или, если перевести этот процесс на уровень психических трансформаций, - обновленная, возрожденная душа) "возносится к небесам", т.е. исходный

материал становится благородным металлом (разрешается противоречие между плотской и духовной составляющей человеческой сущности).

С точки зрения юнгианского психоанализа, эти термины символизируют то, что происходит в аналитическом процессе. Nigredo может принять форму события внутренней жизни человека, вызывающего тревогу, сильную обеспокоенность, растерянность. Например, внезапное депрессивное состояние либо сновидение, образы которого волнуют и не покидают сознания, и т.п. Часто подобные события, происходящие в период психоанализа, являются сигналом серьезных перемен, на уровне бессознательного, без которых невозможно исцеление. Ферментация (Fermentatio) — подходящий термин для взаимного нарушения личностных границ аналитика и пациента, которое происходит при переносе-контрпереносе. Мортификация и Путрефикация (Mortificatio и putrefactio) описывают то, как меняются симптомы, развиваются аналитические отношения и происходят перемены. Наконец, образ возносящейся души в Импрегнации (impregnatio) символизирует полную личностную трансформацию пациента [Самуэлс Э. 2006].

Другим значимым символом, заимствованным Юнгом у гностиков, является древний образ змеи (дракона), изогнувшейся в идеальное кольцо и кусающей свой собственной хвост - Уроборос. Отношения терапевта и пациента можно представить в виде кольца, которое покажет, таким образом, относительность, равенство и обратимость позиций терапевта и пациента. Наличие внешней и внутренней стороны демонстрирует существование сознательных и бессознательных элементов, явного и скрытого содержания аналитической сессии. Внешняя сторона кольца охватывает распространенные сценарии отношений пациента и аналитика (врач-больной, партнерство, учитель-ученик, родитель-ребенок и др.), которые представлены соответствующими образами. Внутренняя же сторона отображает менее очевидные, скрытые, бессознательные аспекты анализа. Юнг считал, что терапевт так же в анализе, как и пациент, что «невозможно повлиять на пациента, если самому не открыться к его влиянию», и что «пациент сможет продвинуться только в той степени, в которой продвинулся сам терапевт» [К.Г. Юнг, 2001]. Как часто неудача или торможение в лечении вызвано на самом деле сопротивлением

терапевта, актуализацией его собственных проблем и неумением или нежеланием с ними справляться. Именно поэтому не супервизию, а личный анализ Юнг считал самой важной частью аналитической подготовки.

Юнг называет уроборос базовым образом алхимии, одним из основных символов архетипа бессмертия, увязывая его с диалектикой сознательного и бессознательного в душе человека [Зеленский В. 2000].

Обобщенным алхимическим аналогом взаимоотношений в процессе анализа является сложная конструкция, называемая Pelicanum. Пеликан был важным сакральным символом средневековой христианской мистики, одним из образов Христа, жертва которого была необходима для спасения человечества. На языке юнгианской психологии можно также сказать об архетипическом мотиве смерти и нового рождения: старое Я должно быть принесено в жертву ради нового «Я». Юнг использовал символ двух пеликанов, каждый из которых жертвует собой, соединяясь с другим. Этот образ иллюстрирует межличностные процессы в анализе (проходящие как на сознательном, так и на бессознательном уровне): оба человека – и пациент, и аналитик – одинаково вовлечены в лечение и проходят через жертвование, символическую смерть, возрождение и трансформацию [Юнг К. 1991].

Как отмечает известный российский аналитик Л.Хегай, рассуждения Юнга, касающиеся природы психического, его постоянное внимание к психическим процессам, собственный опыт архетипической трансформации позволили ему увидеть в алхимической образности и символизме определенный язык, форму мысли, метод, духовный настрой, которые очень близко отражали его собственное миропонимание.